

Г.Н. Грачева

ДЕТИ БЛОКАДЫ

Какой великий подвиг совершили ленинградские матери, спасая своих детей от смерти, сокращая свой и без того голодный паек, стараясь побольше дать детям, защищая их своим телом и всей своей жизнью от смертельной опасности! Глубокий поклон и светлая память всем блокадным ленинградским матерям!

Ко времени блокады моей маме было сорок шесть лет. Она — член КПСС с марта 1917 года. Участие в революционной демонстрации в Петрограде в феврале 1917 года, работа в подполье, руководство госпиталями прифронтовой полосы Южного фронта во время гражданской войны, бои на Северном Кавказе не прошли даром. Зарубцевавшаяся костное ранение одной ноги и перелом другой все время давали о себе знать. Какие физические силы и какую силу духа надо было иметь, чтобы вынести еще и блокаду?!

Когда память уносит меня назад в то, теперь уже далекое блокадное время, она выхватывает очень ясно отдельные картины и заставляет снова и снова впадать в отчаяние, радоваться, замирать от ужаса, холода и боли, смеяться. Кажется, что все это было только вчера.

Июнь 1941 года. Мне шесть лет. Мы на даче под Ленинградом. Теплое ясное летнее утро. Солнечные лучи пронизывают нитями густую сочную зелень листвы. Сквозь березовые ветви высоко и ярко

Галина Николаевна Грачева, старший научный сотрудник Отдела Сибири, кандидат исторических наук, специалист по этнографии самодийских народов Таймыра. В годы блокады вместе со своими одноклассниками помогала расчищать город, таскать на громадных носилках тяжелый мусор, маленькими ведерками черпать воду, проявляя, по словам их учительницы, «гражданское мужество». Награждена медалью «За оборону Ленинграда». Трагически погибла во время экспедиции 1993 года.

синеет удивительно чистое небо. Чувство бесконечной радости. Хочется бегать, прыгать, брызгаться в золотой от солнца теплой воде. Война. Еще невозможно осмыслить, что это такое? Почему взрослые так тревожны? Почему прерывистые гудки станционных паровозов звучат так долго и так настойчиво строго? Почему гости, которые приехали, чтобы провести вместе с нами лето, так быстро собираются снова домой? «Конечно, война не продлится долго. Месяц, два. Но лучше быть дома».

Невдалеке от нашей деревенской улицы в поле приземляется фашистский самолет со свастикой на крыльях. Интересно. Все ходят на него смотреть. Летчик, видимо, арестован. Это случайность. Дачники спешат вернуться в Ленинград. В переполненном поезде мы с мамой тоже возвращаемся.

Московский вокзал. Он весь забит людьми. Но не слышно обычного вокзального гомона. Говорят тихо. Привычные выходы в город закрыты. Милиционеры направляют приехавших в другие проходы. Попадаем в один из вокзальных залов. На полу на матрасиках лежат забинтованные дети. Их очень много, они неподвижны. Матрасики почти прижаты один к другому. В середине лишь узенькая дорожка, по которой быстро идут люди. Мама крепко прижимает меня к себе, старается побыстрее пройти эту узенькую дорожку. А со всех сторон на нас смотрят молчаливые широко раскрытые глаза из невыносимо белых бинтов. В них застыло удивление и страдание. Как страшно и как больно! Война..

Наша большая коммунальная квартира постепенно пустеет. Нет соседей справа. Их семья с тремя детьми еще в мае уехала на лето на юг. Там их застала война. Соседи справа эвакуируются. Уезжают на легке, рассчитывая вскоре вернуться. Семья агронома перебирается в колхоз на северной окраине Ленинграда. Из шести семей остаются только две: Спесивцевы и Никифоровы (это мы). Семья известных балетных танцовщиков Спесивцевых, живущая в нашей квартире, состоит из пяти человек: бабушка — мать знаменитой Ольги Спесивцевой, ее сын Анатолий Александрович — танцовщик Малого оперного театра, с женой Софьей Николаевной (врач-педиатр) и двумя детьми, Витей, который младше меня на три года, и маленьким Максимкой, родившимся после начала войны. Идут разговоры о возможном голоде. Мама покупает большую круглую булку про запас. Но булка черствеет, и мы ее постепенно съедаем. Уезжает на три дня домой в Эстонию Эля Эртис, студентка фармацевтического техникума, с которой мы жили вместе последние годы. Она уже не возвращается.

Мама вывешивает на стену карту Советского Союза. Красные була-

вочки все ближе отодвигаются к Ленинграду. Теперь на работу почти каждый раз мы ездим вместе. Мама ведет прием больных, я сижу в углу кабинета, читаю или хожу «в гости» к другим врачам, в лабораторию, в зубопротезную мастерскую, где так приятно пахнет розовый воск, перетаскивая за собой скамеечку, чтобы достать до полок, помогаю в регистратуре.

Еще есть возможность эвакуировать детей. Этот разговор потихоньку от меня происходит в мамином кабинете. «Вы врач. Ваша помощь может понадобиться в Ленинграде. Ребенок требует постоянных забот. Детские сады эвакуируются. Там за детьми будет хороший присмотр. Вам не надо будет каждую минуту думать о ней. Вас ведь только двое. Ее не с кем оставить». Женщина слишком настойчива. Я должна стоять у окна и ничего не слышать. Поднимаясь на цыпочки, вижу Московский вокзал, возле которого парами друг за другом стоят дети в белых панамках с узелками. Они подходят к вокзалу по Невскому мимо развалин Знаменской церкви, с Лиговки. Нарастает ужас предстоящего расставания. «Мама! Не отправляй меня!». Слышу громкий мамин шепот: «Нас только двое. Мы должны быть вместе. Поодиночке мы умрем. Умирать — так вместе». Я оборачиваюсь. Она смотрит на меня и улыбается. Мы, конечно же, вместе не можем умирать! О какой смерти вообще может идти речь, когда мы вместе?

Заклеиваем полосками бумаги стекла в окнах. Солнечная комната становится похожей на золотую клетку. В амбулатории на подоконнике лестничной площадки появляется ручная сирена-вертушка. Ее пронзительный вой достигает самых отдаленных уголков здания.

Фашисты обстреливают и бомбят город. Фугасные бомбы, попадая в дома, разрушают этажные перекрытия. На улицах появляются пустые коробки домов с зияющими насквозь оконными проемами. Если мы дома, во время сильных налетов устраиваемся в коридоре квартиры, прижимаясь к толстой капитальной стене. Говорят, что так можно спастись, если бомба попадет в дом. В подвале есть и бомбоубежище. Однажды мы пережидали там воздушную тревогу. Но больше не помню, чтобы кто-нибудь из нас туда спускался. Трамваи уже не ходят, зато мы ходим на работу пешком с Петроградской стороны от площади Льва Толстого к Московскому вокзалу. Иногда я остаюсь дома одна.

Осенью пустующие комнаты нашей большой квартиры заполняют семьи, переселенные с переднего края обороны Ленинграда, из ленинградских пригородов. В одной из них поселяется семья Петровых — рабочих Кировского завода. Их пять человек: муж, жена, старший сын Володя, две девочки — Нина двенадцати лет и Настя, моя ровесница.

В другой — семья колхозников Куровых. В маленькую шестиметровую комнату, некогда предназначавшуюся для прислуги, въезжает семья Трусовых из четырех человек.

Наступают холода. У нас появляется маленькая печка, сделанная из обычного дачного ведра, труба ее выходит в камин. Вместе с мамой пилим и рубим для нее дрова — маленькие поленья по 20 см из нашей мебели. Эта работа оказывается невероятно трудной. Мебель старая, сработана из добротной крепчайшей древесины. Мамины силы убывают — голод дает себя знать. Я рублю топором дрова прямо в комнате на прекрасном дубовом паркете. За дверью в коридоре около двадцати мороза. У нас в комнате тоже мороз, но меньше: всего около двенадцати. Даже днем темновато. В одну из бомбежек оконные стекла взрывной волной высосало наружу. С большим трудом удалось достать куски фанеры, чтобы заделать проемы.

Мы идем за водой. В руках у мамы ведро, у меня — небольшой бидончик. Больше нам не донести. Идти не далеко. Надо выйти из дома на площадь Льва Толстого, повернуть на Кировский, и через два дома в переулке открыт люк, из которого достают воду. Но достать ее тоже не легко: вокруг люка скользкая ледяная гора. Несколько женщин, обмотанных платками, ползком пытаются подобраться к люку, то и дело съезжая вниз. Мама держит меня за платок и подталкивает сзади. Пытаюсь забросить на веревке бидончик в люк. Вода не набирается, он плавает на поверхности. Снова и снова бросаю его вниз. Тем временем мои ноги примерзают к мокрому льду. Наконец-то набралось немного воды. Осторожно вытягиваю. Предательская ледяная корка у кромки люка зацепляет бидончик, он переворачивается, и вода выливается обратно. Колени совсем заоченели. Все начинаю сначала...

Оставаясь одна, я почти не выхожу из комнаты. Уже много написано благодарных слов о ленинградском радио в дни блокады. Для многих детей оно было большим другом, не давало унывать, образовывало прекрасными передачами, воспитывало великолепным чтением лучших классических произведений. К тревогам и обстрелам привыкли. Но на это время включали метроном. Для детей, оставшихся в одиночестве в промерзших ленинградских квартирах, чистые звуки трубы отбоя воздушной тревоги означали и продолжение радиопередач. А значит означали и то, что холод и голод, постоянно преследующие сознание, отступали. Невыносимо длинные часы ожидания сокращались. Ведь держать в руках книжку или рисовать, шить не давал мороз. Нужно было, свернувшись в кресле калачиком, укрывшись оде-

ялом, беречь тепло. Вместе с Ниной и Настей Петровыми иногда мы устраивались втроем на кровати под одним одеялом, как в чукотском пологе, и слушали радио или читали вслух, согревая друг друга.

Их мать обычно дома. Отец и старший брат продолжают ходить на работу, на Кировский завод. Настает время, когда они приходят домой только раз в неделю, потом — раз в две недели... Их приход — всегда событие. Ведь Кировский завод на переднем крае, а значит — он живет и работает.

Однажды отец возвращается один. Он сильно простужен, лежит. А через несколько дней в этой семье беда. В магазине у матери украли хлебные карточки на неделю. Она в отчаянии. Отец умирает. Володя так и не возвращается с завода. Вскоре умирает и мать. Нина и Настя остаются одни. Соседи, как могут, поддерживают девочек. Чаще всего они сидят у Трусовых, в самой маленькой и самой теплой комнате, нагреваемой телами и дыханием людей.

Наши с мамой расставания невыносимы. Обратная дорога от Московского вокзала на Петроградскую невероятно тяжела. Несколько раз мама садится отдыхать. Но садиться нельзя. Сесть и расслабиться — значит умереть. В декабре мы получаем открытку от жены маминого брата. Они живут у Кузнечного рынка. Им нужна помощь, все слегли. Решаем перебраться к ним. И до работы от них ближе. Увязываем на саночки какие-то вещи и в сильнейшую стужу отправляемся, оставляя нашу квартиру с комнатой-мертвецкой. Там лежат бабушка и Максика Спесивцевы, старик Куров, муж и жена Петровы.

Тяжелый переход к Кузнечному едва не стоил маме жизни. В первую очередь помощь понадобилась ей. И сколько раз еще за время блокады холодом, голодом, болезнями, обстрелами и бомбежками смерть заносила над нами свою косу!

Вернувшись домой в феврале, мы узнали, что вскоре после нашего ухода умерла Нина Петрова. Настю взяли к себе Трусовы. Они как могли выхаживали ее. У них она прожила всего около месяца. Спасти ее было невозможно. Петровы все умерли.

Сейчас, говоря о блокаде, о тяжелых потерях зимы 1941/42 года, в пример приводят семью Савичевых. Дневник маленькой Тани Савичевой стал символом судьбы очень многих ленинградских детей. Для меня — это Петровы. Еще в октябре — веселье, жизнерадостные Нина и Настя, полный сил Володя, суровый, сосредоточенный их отец, всегда озабоченная хлопотунья-мать...

В самую суровую зиму и позже мы очень много читали. Наши домашние книги постепенно исчезали в маленькой печурке, и чтения

явно не хватало. Ближайшая очень хорошая библиотека была расположена недалеко, в Доме культуры Промкооперации. Теперь это — Дворец Ленсовета. Библиотекарь, маленькая приветливая женщина с каким-то приподнято оптимистическим настроением, всегда была там. Зинаида Николаевна умела создать для каждого своего посетителя праздничное настроение. Библиотека притягивала к себе людей. Как много хотелось взять с собой книг, глаза разбегались. Кроме довольно серьезной литературы обязательно старались выбрать книги увлекательные, с веселым юмором. Самыми любимыми были рассказы М. Зощенко, украинские произведения Н.В. Гоголя. Для меня — большая, с множеством картинок книга Б. Житкова «Что я видел?», «Приключения Травки». Самые веселые места прочитывали вслух по нескольку раз. Коллизии сюжетов, юмор вызывали смех. А юмор и смех увеличивали силы. Много книг было прочитано из серии «Жизнь замечательных людей». Их упорство в преодолении трудностей, настойчивость, с которой они шли к успеху, тоже придавали силы.

Ранней весной 1942 года мама определила меня в детский сад-интернат. Он располагался в одном из деревянных строений Ботанического сада. А осенью там же в Ботаническом саду для детей открыли школу, состоявшую из трех классов. С большим трудом, так как мне еще не было восьми лет, только учитывая то, что я свободно читала и могла писать, меня вместе с несколькими другими детьми интерната приняли в школу в первый класс.

Анна Петровна Леонтьева — наша первая учительница. Высокая пожилая худая женщина с совершенно белыми стриженными волосами, в неизменной длинной коричневой юбке и черном пиджаке. Она постоянно с нами. Уроки часто прерываются обстрелами, бомбежками. Отсиживаемся в бомбоубежище, расположенном под зданием Главного гербария. Облепив со всех сторон Анну Петровну, слушаем ее чтение. В классе над черной доской висит лозунг, написанный красными буквами: «Садясь на школьную скамью, не забывай, что ты — в строю!». Каждая победа на фронте обсуждается, каждая возникшая трудность преодолевается вместе. Если сегодня кто-то не появился в классе, тут же двое или трое отправляются к нему домой. Мы делаем все, чтобы наш большой класс не поредел.

Большинство из нас невероятно плохо одеты. Особенно страдали от отсутствия теплой обуви. Анна Петровна добивается выдачи дополнительных ордеров на одежду, обувь. Вопрос, кому их выдать, обсуждается всем классом. Самые нуждающиеся выстраиваются у доски. Остальные смотрят на их одежду и решают. Для такого решения мы —

взрослые. Наши успехи или неудачи все время сравниваются с фронтовыми делами. Никаких скидок на голод или холод, замерзшие чернила, коченеющие руки и ноги. В классе мы сидим в зимней одежде. Больше всего ценится гражданское мужество. «Где твое гражданское мужество?» — спрашивает Анна Петровна. Это значит, что кто-то не приготовил урок, соврал, недобросовестно сделал порученное дело.

У нас дома в комнате появляется жилец. Он поселяется в углу, отгороженном шкапами. Это сотрудник МАЭ Василий Васильевич Федоров, хранитель археологических фондов МАЭ. Он приходит к нам из квартиры, расположенной с противоположной стороны нашего большого дома. От взрыва фугасной бомбы на улице через стену прошла громадная трещина. Оттуда жильцов переселяют в нашу часть дома. Предоставили Василию Васильевичу комнату Петровых. Но жить одному в холодной комнате невозможно, а у нас на месте ведерной печки стоит небольшая кирпичная плита, и температура ниже пяти мороза не опускается, а в основном она — положительная. Мы живем все вместе. Так теплее. Василий Васильевич сильно сутулится, немногословен, на руках шерстяные перчатки с обрезанными кончиками пальцев. Он устраивается, принеся с собой книги, рукописи. Что-то пишет, сидя у печки, держа тетрадь на коленях. С интересом заглядывает в мои тетрадки, поправляет. Однажды он приносит радиорепродуктор в деревянном футляре, и мы торжественно заменяем им нашу черную тарелку. Сильные чистые звуки левитановского голоса наполняют комнату: «От Советского Информбюро...». Время от времени он отправляется на Университетскую набережную. Иногда отсутствует неделю и больше. Он — на казарменном положении.

Свободные от работы дни заняты поисками дров. Мама ездит на разборку деревянных домов куда-то к «Гиганту», обычно привозит оттуда по небольшому бревну. Такое бывает не часто. В разрушенных домах в округе подбираем каждую щепочку, все, что может гореть.

Для того чтобы приготовить уроки, я ставлю на плиту бутылочку с замерзшими чернилами и забываю открыть пробку. Мы сидим за столом и разговариваем. Раздается щелчок. О ужас! Все стены возле печки, стенка камина, пол, стоящие на плите кастрюли покрыты крупными фиолетовыми пятнами. Сначала, как и полагается, мне достается за закрытую пробку. Но потом, когда первая гроза миновала, и на случившееся можно посмотреть другими глазами, мы начинаем до слез смеяться. Фиолетовые плоды просвещения отмываются с большим трудом. Еще долгое время всем приходящим к нам не надо сообщать, что я уже хожу в школу.

В январе 1943 года мама тяжело болеет. Я ухаживаю за ней. Топлю печку, готовлю еду, кормлю. Ей очень плохо, и страх потерять ее заставляет меня не отходить от нее ни на минуту. Высокая температура. Глаза закрыты. Она молчит. Поздно ночью, приподняв веки, тихо спрашивает: «Что там в сводке?» — «Блокада прорвана!» — «Ах, ну какая же ты невнимательная! Что же ты мне раньше не сказала? Это же замечательно! Мне уже лучше. Ложись спать. Завтра — в школу. Теперь уже все будет хорошо». Через некоторое время она спокойно засыпает. Укутываюсь и ложусь и я. Мама поправляется, блокада прорвана, значит, прибавят хлеба, скоро придет теплая весна, потерявшиеся санки нашлись... Все очень хорошо!

Весной и летом 1943 года весь наш класс работает в парке Ботанического сада на огородах. Расчищаем землю от осколков кирпичей, стекол, щебенки — следов разрушения оранжерей и соседних зданий. Вспахиваем грядки. Поливаем. Сажать и полоть нам не доверяют. Мы упорно таскаем на громадных носилках тяжелый мусор, маленькими ведерками воду. Анна Петровна радостно и торжественно отмечает наше «гражданское мужество». Вместе с ней мы в День Победы прошли по Дворцовой площади. А через некоторое время она была награждена орденом Ленина.

Мама после войны долго могла ходить только на костылях. Прошло несколько лет упорного лечения, прежде чем она смогла их оставить.